

Криминализация деяний, мотивированных ненавистью или враждой: за и против

А.М. СЫСОЕВ – начальник юридического факультета ВИПЭ ФСИН России, кандидат психологических наук, доцент

В статье рассматривается эволюция формирования в уголовном законодательстве особо выделяемой группы норм – мотивированных ненавистью или враждой. Автор соотносит данную категорию с преступлениями на почве ненависти, выделяемыми в законодательстве ряда зарубежных стран, и определяет основные противоречия, возникающие при криминализации деяний, мотивированных ненавистью или враждой.

Ключевые слова: преступления экстремистской направленности; криминальный экстремизм; преступления на почве ненависти; законодательство зарубежных стран.

Criminalization of acts motivated by the hatred or enmity: for and against

A.M. SYSOEV – chief of the Law Faculty the Vologda Institute of Law and Economics of the Federal Penal Service of Russia, PhD in Psychology, Associate Professor

The article discusses the evolution of the formation of the criminal legislation emphasizes group of norm – motivated by the hatred or enmity, which received domestic criminal legislation known as «crimes of an extremist». The author relates this category with hate crimes, allocated in the legislation foreign countries and identifies the basic opposition arising from the criminalization of acts motivated by the hatred or enmity.

Key words: crimes of an extremist; criminal extremism; hate crimes; the law of foreign countries.

Системный анализ социально-экономических реалий и криминогенных процессов, происходящих на территории Российской Федерации, позволяет заключить, что насущная потребность современного общества в эффективной борьбе с преступностью экстремистской направленности определяется особенностями сложившейся социальной ситуации и негативными тенденциями криминализации, масштабы и уровень общественной опасности которой продолжают расти. Несмотря на то, что доля преступлений экстремистской направленности в общей структуре преступности относительно незначительна, эти деяния кроме очевидной общественной опасности порождают ряд серьезных социальных проблем, вызывающих пристальное внимание средств массовой информации и общественности и порождающих у граждан чувство незащищенности от такого рода посягательств.

Преступления экстремистской направленности были выделены в Уголовном кодексе Российской Федерации в особую группу

норм на основании федерального закона от 25.07.2002 г. №112-ФЗ. Первоначально в ч. 1 ст. 282.1 УК РФ законодатель обозначил список деяний, совершаемых по мотивам идеологической, политической, расовой, национальной или религиозной ненависти или вражды либо по мотивам ненависти или вражды в отношении какой-либо социальной группы, предусмотренных ст. 148, 149, ч. 1 и 2 ст. 213, ст. 214, 243, 244, 280 и 282. Кроме перечисленных составов к указанной группе преступлений были отнесены организация экстремистского сообщества (ст. 282.1) и организация деятельности экстремистской организации (ст. 282.2).

Приведенный перечень был весьма спорен, так как не учитывал целого ряда норм, в которых были закреплены мотивы, определяемые законодателем как экстремистские (в частности п. «л» ч. 2 ст. 105 УК РФ), при этом вызывало удивление включение в него норм, в диспозиции которых мотивы ненависти просто отсутствовали (ст. 213, 214 УК РФ). Поэтому вполне очевидным стало вне-

сение соответствующих законодательных изменений с целью оптимизации системы противодействия криминальному экстремизму.

Федеральным законом Российской Федерации от 24.07.2007 г. № 211-ФЗ в п. «е» ч. 1 ст. 63 УК РФ было внесено дополнение, согласно которому совершение преступления по мотивам политической, идеологической, расовой, национальной или религиозной ненависти или вражды либо по мотивам ненависти или вражды в отношении какой-либо социальной группы является обстоятельством, отягчающим наказание. Совершение преступления по указанным мотивам стало новым квалифицирующим признаком в ряде норм УК РФ, что расширило список уголовно наказуемых деяний на 13 составов. Изъятие из диспозиции ч. 1 ст. 282.1 УК РФ четкого указания, какие именно деяния являются преступлениями экстремистской направленности, сделало их ситуационно неопределенными. С позиции законодательной техники мотивы ненависти или вражды закреплены в уголовном законодательстве некорректно: они определены как обстоятельство, отягчающее наказание (п. «е» ч. 1 ст. 63 УК РФ), при этом отнесены к конструктивному признаку некоторых норм, а следовательно, должны быть выведены из списка обстоятельств, отягчающих наказание.

Необходимо отметить очевидные проблемы, возникающие из-за недостаточного раскрытия мотивов идеологической, политической и социальной ненависти или вражды. Терминологически идеологическая и политическая вражда сопоставимы как общее и частное. Сами по себе мотивы политической и идеологической ненависти или вражды не могут являться уголовно наказуемыми деяниями, так как это вступает в противоречие со ст. 13 Конституции Российской Федерации. При этом особую опасность представляет обращение к ним при квалификации деяния по ст. 280 УК РФ «Публичные призывы к осуществлению экстремистской деятельности», где само понимание таковой деятельности, равно как и призывы к насильственным действиям, просто отсутствуют.

Сложности, возникающие в связи с применением понятия «социальная принадлежность», в немалой степени обусловлены неоднозначным его толкованием в действующем законодательстве. Подразумевается, что категория социально-групповой принадлежности столь же привычна и по-

нятна участникам правоотношений, как расовая или религиозная принадлежность. Вместе с тем, если исходить из буквального понимания социальной группы, можно выделить несколько оснований для установления таковой принадлежности, а именно: уровень доходов, социальное происхождение, профессия, образовательный уровень, семейный статус, а также национальность как самоопределение лица в рамках определенной культурной общности¹. Такая неопределенность порождает казусы, когда абсолютное большинство преступлений мы можем трактовать как деяния экстремистской направленности. Например, преступления против собственности (кража, грабеж, разбой) могут быть мотивированы более высоким уровнем доходов потерпевшего, а это можно трактовать как проявление социальной ненависти.

Анализируя преступления экстремистской направленности, необходимо отметить, что криминализация деяний, мотивированных ненавистью или враждой, на основании социально-демографического или биологического статуса жертвы не является исключением из мировых тенденций уголовно-правовой защиты личности. В зарубежном законодательстве преступления, основанные на мотивах ненависти, вражды или предубеждения к жертве, получили широкое распространение. В англоязычной литературе понятия «hate crime» и «bias motivated crimes» используются для обозначения уголовных правонарушений, соотносимых с преступлениями экстремистской направленности, при этом имеющих свою специфику в каждой стране.

Выделение преступлений на почве ненависти в качестве особой группы уголовно наказуемых деяний во многом связано с тем, что они попирают идею равенства всех членов общества. «Утверждение равенства всех людей относится к основополагающим ценностям и направлено на воплощение полноты человеческого достоинства и на предоставление каждому человеку возможности полностью реализовать собственный потенциал»². Клайд Хэберман, анализируя американское законодательство, отмечает: «Эти законы на самом деле наказывают преступные мысли, поскольку преступные акции – подстрекательство, избиение, вандализм, убийство – сами по себе противоречат закону»³. Вместе с тем само определение «преступление на почве ненависти» не может обладать универсальностью, поскольку все страны имеют исторически сложившие-

ся особенности общественного развития, что сказалось на эволюции взглядов на уголовно-правовую охрану личности от такого рода посягательств. Д. Гудлей, отмечая, что в европейских странах не существует унифицированного определения рассматриваемого феномена ни в юриспруденции, ни в социальных науках, указывает, что термин «преступление на почве ненависти» является относительно новым для многих государств, традиционно рассматривающих отдельные проявления ненависти – антисемитизм, деятельность крайне правых экстремистов, насилие на расовой и этнической почве⁴. При этом споры о необходимости выделения мотивов ненависти в качестве обстоятельств, отягчающих уголовную ответственность, равно как и появление в законодательстве новых норм, охраняющих права и свободы социально незащищенных групп населения в силу их социально-демографических и/или биологических признаков, не утихают до сих пор.

Защитники криминализации деяний на почве ненависти отмечают, что, хотя уголовное законодательство и имеет средства правовой защиты для многих угрожающих социуму форм поведения, необходимость жестких санкций, налагаемых за указанные преступления, оправдана реализацией принципа пропорциональности, связывающего тяжесть наказания с тяжестью причиненного преступлением вреда. Еще представители классической школы уголовного права (Чезаре Беккариа, Уильям Блэкстон) отмечали, что среди преступлений различной природы наиболее суровое наказание должно предусматриваться за те деяния, которые являются наиболее разрушительными для общественной безопасности. Такие деяния наносят вред не только конкретному лицу, но и подрывают устои социального устройства. Профессор Г. Шнайдер справедливо утверждает, что «эти преступления являются сообщениями для членов групп, олицетворяемых преступником с жертвой, что вызывает в обществе атмосферу страха, и в этом и заключается повышенная опасность таких деяний»⁵. Жертвы преступлений на почве ненависти нередко ощущают чувство беспомощности в связи со сложившимися обстоятельствами, поскольку не могут изменить свои индивидуальные характеристики, а также испытывают повышенную подозрительность и в ряде случаев враждебность в отношении людей, имеющих сходные с преступником признаки.

Исследования, проведенные Американской психологической ассоциацией, подтверждают высказанное выше: жертвы преступлений на почве ненависти обостренно ощущают дискриминацию в отношении своей группы, что может привести как к депрессивному состоянию и низкой самооценке⁶, так и желанию восстановить поправную справедливость. В результате проведенных исследований (А. Бернес, П. Эфрос, Д. Сангрей) было выяснено, что около 68% жертв испытывали чувство гнева и ощущали желание отомстить преступнику, почти 50% потерпевших боялись возможной физической расправы над собой и близкими. Примерно одна треть опрошенных (33,9%) отметили изменения в своем поведении, мотивированные желанием снизить риск виктимизации: смена места жительства и места работы, снижение социальной активности, приобретение оружия или повышенная готовность к его использованию, покупка первоначальных или дополнительных устройств безопасности для дома⁷. Таким образом, ужесточение уголовной ответственности за рассматриваемые преступления способствует укреплению общественных приоритетов, в первую очередь терпимости и уважения к маргинализированным и социально незащищенным группам населения.

При всей обоснованности криминализации следует раскрыть и другую точку зрения, в соответствии с которой выделение деяний, мотивированных ненавистью или враждой, в качестве особой группы норм, при которой ужесточается уголовная ответственность, представляется реальной общественной опасностью. Противники криминализации отмечают, что в таком законодательстве уже будет заложена дискриминация, так как группы, которые подпадают под охрану в силу своих особенностей (расы, религии, этнической принадлежности, цвета кожи, сексуальности, физических и умственных способностей), объявляются государством приоритетными, что в свою очередь «создает трещину в общественных отношениях»⁸. Например, национальным законодательством защищается гомосексуальность, но охрана от преступных посягательств в отношении лиц гетеросексуальной направленности не является приоритетом. Выделение отдельных групп населения с целью приоритетной уголовно-правовой защиты ставит под угрозу принцип равенства всех граждан перед законом, что подрывает основы демократических прав и свобод, а следовательно, и существующие общест-

венные отношения между различными группами населения.

Кроме того, учет мотива ненависти при вынесении судебного приговора чреват проявлением определенного субъективизма, что связано с уже отмеченной нечеткостью квалифицирующих признаков, а именно с особенностями понимания мотивов ненависти. Анализируя уголовно-правовые нормы, предусматривающие ответственность за деяния экстремистской направленности, сформу-

лированные отечественным законодателем, нельзя не заметить, что отсутствие такого важного квалифицирующего признака, как насилие, а также призывы к нему (что особо ярко проявляется в ст. 280 «Публичные призывы к осуществлению экстремистской деятельности», ст. 282 «Возбуждение ненависти либо вражды, а равно унижение человеческого достоинства» УК РФ), создает угрозу для обеспечения свободы слова как основополагающего принципа демократического общества.

■ ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Уместно вспомнить, что графа «национальность» в паспорте гражданина Российской Федерации отсутствует.

² Законодательство против преступлений на почве ненависти: Практическое руководство. Варшава, 2009. С. 22.

³ http://www.imcl.ru/usa/070530_fobia.php

⁴ См.: Дремина-Волок Н.В. Международно-правовое противодействие преступлениям «ненависти» // Уголовное право: стратегия развития в XXI веке. М., 2009. С. 490.

⁵ Schneider H.J. Politische Kriminalitet: Hassverbrechen // Kriminalistik. 2001. № 1 (55). P. 21–22.

⁶ <http://www.apa.org/about/gr/issues/violence/hate-crimes-faq.pdf>

⁷ См.: Barnes A., Ephross P. The Impact of Hate Violence on Victims // Social Work. 1994. May. P. 247–251.

⁸ Mason G. Hate crimes in Australia: Are they achieving their goals? // Criminal Law Journal. 2009. № 33 (6). С. 326–340.

¹ Umestno vspomnit', chto grafa «nacional'nost'» v pasporte grazhdanina Rossijskoj Federacii otsutstvuet.

² Zakonodatel'stvo protiv prestuplenij na pochve nenavisti: Prakticheskoe rukovodstvo. Varshava, 2009. S. 22.

³ http://www.imcl.ru/usa/070530_fobia.php

⁴ См.: Dremina-Volok N.V. Mezhdunarodno-pravovoe protivodejstvie prestuplenijam «nenavisti» // Uголовное право: strategija razvitija v XXI veke. M., 2009. S. 490.

⁵ Schneider H.J. Politische Kriminalitet: Hassverbrechen // Kriminalistik. 2001. № 1 (55). P. 21–22.

⁶ <http://www.apa.org/about/gr/issues/violence/hatecrimes-faq.pdf>

⁷ См.: Barnes A., Ephross P. The Impact of Hate Violence on Victims // Social Work. 1994. May. P. 247–251.

⁸ Mason G. Hate crimes in Australia: Are they achieving their goals? // Criminal Law Journal. 2009. № 33 (6). S. 326–340.